

В. Я. БОГУЧАРСКИЙ

Главные радикальные течения в России в семидесятых годах

Основная черта народничества 70 годов*

Говорить о радикальных течениях семидесятых годов — значит говорить почти исключительно о таких течениях той эпохи, в которых социальные элементы безусловно преобладали над политическими. Лишь в самом конце семидесятых годов явилось течение так называемое «народовольческое», бывшее по существу уже течением политическим. Правда, еще до появления народовольчества существовало в общем движении направление, которое призывало к ниспровержению политического строя России путем нанесения ему смертельного удара со стороны небольшого числа решительных и сплоченных в централизованную организацию заговорщиков, захвату этой организацией власти и совершенно затем ею же сверху вниз «социальной революции», — это направление, так называемое «якобинское», во главе которого стоял редактор заграничного журнала «Набат» Петр Никитич Ткачев, — но оно было до такой степени слабо и непопулярно, что останавливаться на нем было бы необходимо лишь в том случае, если бы иметь в виду не «главные радикальные течения семидесятых годов», а детальную историю всего революционного движения того времени. Особо стоит направление «украинское», замечательный вождь которого — Михаил Петрович Драгоманов

---

* ПОСОБИЯ: *Лавров*. Народники-пропагандисты 1873–78 гг.; *Богучарский*. Активное народничество 71 гг. Многочисленные воспоминания современников, напечатанные в журналах: «Былое», «Минувшие годы» и «Голос минувшего» (на некоторые из них делаются ссылки в статье). См. также библиографию, указанную в статье А. А. Гизетти «Идейные вожди народничества в 70 гг.».

решительно выдвигал наряду с идеей федерализма проблему борьбы за политическую свободу России как целого, относясь в то же время резко отрицательно к мысли якобинцев о захвате власти, но и это течение среди революционной молодежи семидесятых годов не только великорусской, но даже и украинской популярностью не пользовалось.

Таким образом, в строках этих речь должна идти о движении социально-революционном, и притом почти исключительно движении, так называемом народническом.

Что, однако, надо понимать под этим выражением? Оно имеет два значения: более тесное и более широкое. В первом смысле оно означает возобладавшее в начале второй половины семидесятых годов течение, ставившее своей задачей вызвать народную революцию, исходя не из той или иной теоретической доктрины, а из назревших уже в самом народе его потребностей, на почве которых и должна вестись в народе, вместо прежней пропаганды социалистических идей, революционная агитация. В этом смысле выражение «народничество» очень близко к выражению «бунтарство» и «народник» к «бунтарю». Но термин «народничество» имеет другой более широкий смысл, в котором и можно употреблять его как охватывающий своими характерными признаками почти всё революционное движение в России десятилетия 1869–1879 годов. Признаки эти заключаются: 1) в вере в возможность произвести в ближайшем же будущем социально-экономический переворот не только в интересах народа, но и силами самого народа, причем под «народом» подразумевалось почти исключительно земледельческое население России — «мужики», а под переворотом или «социальной революцией» — такое новое устройство народом всех его отношений, которое будет покоиться на воплощении в жизни принципов социализма; 2) в провозглашении борьбы с государственностью во имя анархии и в 3) в связи с этим в *аполитичности* движения, выразившейся не только в равнодушном, но даже враждебном отношении народников к идее борьбы за изменение форм политического строя и *противопоставлении* понятия «социализм» понятию «политическая борьба». С появлением в 1879 году на исторической сцене России «народовольчества», хотя оно и продолжало находиться в народническом русле, о чем самым категорическим образом народовольцы и заявили в своей программе («по основным своим убеждениям мы социалисты и на-

родники»), дело резко изменилось: народовольчество включило в свою программу принцип борьбы за изменение политического строя в России и направило все свои силы именно в эту сторону, вследствие чего эпоха конца семидесятых и самого начала восьмидесятых годов сделалась эпохой смерти народничества в его старых аполитических формах.

В течение всего своего существования в этих формах народничество разделялось, в свою очередь, на два главных течения: «бакунизм» и «лавризм». Во главе первого стоял Михаил Александрович Бакунин, во главе второго — Петр Лаврович Лавров.

К этим двум течениям мы теперь и перейдем.

Характер «радикального» — оно же и «социально-революционное» — движения семидесятых годов определился, с одной стороны, всей предшествовавшей историей русской интеллигенции и, в частности, ее ролью в событиях «эпохи великих реформ», а с другой — влиянием на русскую интеллигенцию передовой европейской мысли и тех форм борьбы за воплощение в жизнь социалистических идеалов, лозунги которых исходили тогда из Международного Общества Рабочих.

«Народническое» направление мысли русской интеллигенции дано было ей «отцами народничества» Герценом, Огарёвым, Чернышевским и Добролюбовым; лозунги борьбы были сформулированы Бакуниным. Эти лозунги: «социальная революция» и «анархия».

«Марксизм» и «бакунизм»

Социальная революция являлась лозунгом борьбы и всего рабочего движения в Европе, но по вопросу о «государственности» и «анархии» в недрах европейского движения, и в частности Международного Общества Рабочих («Интернационала») мнения резко разделялись. Выразителем и вдохновителем первой точки зрения явился Карл Маркс, второй — Михаил Бакунин. Между тем русские революционеры «молодого поколения» шестидесятых годов старались почти с самого возникновения Интернационала принимать в нем деятельное участие. О том, чтобы связать Интернационал с революционным движением в самой России, заботился еще в 1865 году «каракозовец» Худяков. Потом несколько русских эмигрантов сделались и членами Международного Общества Рабочих. Происходившая в нем борьба

«марксистов» и «бакунистов» находила себе живой отголосок в среде русской интеллигенции как через ту часть русской молодежи, которая стала уже в значительном количестве учиться в заграничных университетах, так и путем русской заграничной печати. В подавляющем большинстве русская революционная молодежь приняла сторону Бакунина, признала себя «бакунистами», другими словами, «анархистами».

Без сомнения, корень различия между «марксизмом» и «бакунизмом» лежал очень глубоко, но на практике главное различие их сводилось к вопросу, — должен или не должен пролетариат принимать участие в «политике», другими словами, — должен ли он действовать для осуществления своих целей *через* существующие «буржуазные» государства («государственность») или не только помимо, но и принципиально *против* них, как и против таковых («анархия»). Маркс и его сторонники говорили — *да*, Бакунин и множество тогдашних европейских революционеров — *нет*. Последние утверждают, что надо стремиться к «социальной революции», направленной прямо на государство, в целях его уничтожения, и отсюда истекало их безусловно отрицательное отношение к «политике» в смысле работы для замены одной государственной формы другою, реформирования тех или иных сторон государственного управления, участия в избирательной борьбе в парламенты и т. д. Такую работу, совершаемую, разумеется, в интересах пролетариата, признавали «социалисты-государственники», но ее «решительно отрицали и анархисты». В составленной Бакуниным для русских социалистов и пользовавшейся в семидесятих годах огромной популярностью книжке «Государственность и анархия», все упования возлагают на «социальную революцию», которая должна направиться прямо на государство. «“Социальная революция” и “государство”, — писал в этой книжке Бакунин, — вот *два полюса*, антагонизм которых составляет самую суть настоящей общественной жизни в целой Европе». В чем же должна состоять политическая организация в будущем? На этот вопрос Бакунин отвечал в напечатанной им в журнале «Народное дело» статье, которая так и называется «Наша программа», следующим образом: «Вся будущая политическая организация должна быть ничем другим, как федерацией вольных рабочих как земледельческих, так и фабрично-ремесленных артелей (ассоциаций). И потому, во имя освобождения политического, мы хотим

прежде всего окончательного *разрушения государства*, хотим искоренения *всякой государственности* со всеми ее церковными, политическими, военно- и гражданско-бюрократическими, юридическими, учеными и финансово-экономическими учреждениями» ... <...>

Отношения к конституции

Суммируем, следовательно, положения, которые представлялись несомненными:

1) Политические революции ничего не дали трудящимся массам в Европе, царящий буржуазный строй которой оказался, после политических революций, по выражению Энгельса, «самой злой, отрезвляющей карикатурой на блестящие обещания философов XVIII века».

2) Трудящиеся массы поняли это, и теперь Европа живет накануне «социальной революции», которая, в отличие от бывших революций политических, будет направлена не на изменения форм правления и установления политической свободы, а на коренное преобразование всей социально-экономической структуры современного общества. Она уничтожит разделение общества *на классы* и преобразует строй капиталистический в строй социалистический. Такова задача, которую предстоит исполнить рабочему классу в Европе в самом ближайшем будущем, понимая это выражение не в смысле историческом, а в смысле прямом, т. е. что «социальная революция» разразится не позже, как через какой-нибудь десяток другой лет. В этом были убеждены одинаково европейские и «бакунисты», и «марксисты».

3) Русская революционная молодежь должна идти по тому же пути с тою разницею, что объектом социально-революционного воздействия должен служить в России не городской пролетариат, который так незначителен в ней численно, а крестьянство, которое таит в себе огромные запасы социально-революционной энергии и которое поэтому легко поднять на завоевание «земли и воли», на новое восстание по образцу восстания Разина и Пугачева.

4) В России нет элементов, из которых могла бы сложиться сильная конституционная партия, а если бы таковая и сложилась и усилия ее увенчались успехом, то от этого народ не выиграл бы, а, напротив, много проиграл, ибо тогда

5) власть перешла бы в руки буржуазии, которая еще сильнее экономически закрепостила народ. Поэтому русская революционная молодежь должна быть враждебна конституционалистам.

Совершенно в этом же смысле говорил и орган «лавристов» — заграничный журнал «Вперёд».

«Все нынешние централизованные политические программы, — писал он в своей программе, — нам прямо враждебны. Все политические партии с их конституционными идеалами более или менее либерального свойства, всякая попытка заменить централизованную и буржуазную империю централизованной и буржуазной республикой, заменить существующее разделение территорий другими распределениями с другими центрами и другими законами, — всё это нам враждебно в своем основном строе и индифферентно для нас в своем проявлении»*.

Конституция — зло. В этом Лавров был совершенно солидарен с Бакуниным. «Пойдет ли она (русская молодежь), — писал Лавров в брошюре “Русской социально-революционной молодежи”, — вместе с конституционалистами, которые тоже могут составить заговор с целью ограничения власти всероссийским представительным собором, с либеральными гарантиями? Забыла ли она, что при союзе народных партий с партиями буржуазными *всегда* был обманут народ? Неужели она думает, что есть что-либо общее между народной специальной революцией и революцией в пользу либеральной конституции, которую прежде всего воспользуются капиталисты и адвокаты?»

Таким образом, с этой стороны никакого различия между двумя главными радикальными течениями в 70-х годах не было, и Лавров был совершенно прав, когда, как мы видели выше, говорил, что за все время существования бакунистов и лавристов «никогда не было определено установлено, в чем существенно расходятся их политическая и социальные программы». Затем Лавров тут же прибавлял, что расхождения существовали «по второстепенным пунктам, как по вопросу о важности или ненужности приобретения знаний, в агитационной тактике и т. д.».

Под «второстепенными пунктами» разногласия Лавров указывает, однако, такие, которые *на практике* оказались чрезвычайно существенными. <...>

---

* «Вперёд» (непериодическое издание). 1873. Т. I, стр. 9.

Движение в народ в 1874 году

Жизнь дала всему этому свое решение: в силу тех условий, среди которых она протекала, в силу *веры* в близость «социальной революции» во всей Европе и такой же *веры* в революционность крестьянства русского, к 1874 году в России огромное большинство революционной молодежи стало «бакунистской», и этот год ознаменовался первым массовым движением молодежи «в народ», с целью поднять его на непосредственное социально-революционное дело.

Еще до этого движение молодежи вылилось в формы издания и распространения среди молодежи таких произведений, которые должны были направить ее мысль по намеченному руслу, — этим занялся известный кружок «чайковцев»¹, — в сближении молодежи с городскими рабочими и отдельными попытками выпуска революционных листков, но главная волна движения поднялась в 1874 году.

Двинулась молодежь в этом году в поход с величайшим, чисто религиозным, энтузиазмом.

Приведем две-три характеристики этого движения, сделанные самими его участниками.

«Это не было организованное движение, а стихийное, — говорил П. А. Крапоткин, — одно из тех массовых движений, которые наблюдаются *в моменты пробуждения человеческой совести*»*.

«Движение это, — писал С. М. Кравчинский, — едва ли можно назвать политическим. Оно было скорее каким-то крестовым походом, отличаясь вполне заразительным и всепоглощающим характером *религиозных движений*. Люди стремились не только к достижению определенных практических целей, но вместе с тем к удовлетворению глубокой потребности *личного нравственного очищения*. Но это движение не выдержало и не могло выдержать столкновения с грубой и суровой действительностью... Пропагандисты ничего не хотели для себя. Они были чистейшим олицетворением самоотверженности. Но это были люди слишком неподходящие для предстоящей страшной борьбы. Так пропагандист семидесятых годов принадлежал к тем, которые выдвигаются скорее *религиозными, чем революционными*

---

* «Записки революционера», стр. 291.

движеньями. Социализм был его верой, народ — его божеством. Невзирая на всю очевидность противного, он твердо верил, что не сегодня-завтра произойдет революция, подобно тому, как в средние века люди иногда верили в приближение страшного суда»*.

«Весною 1874 года, — пишет в своих мемуарах О. В. Аптекман, — волна революционно-пропагандистского движения достигла своей крайней высоты. Кружки и сходки прекратились. Они теперь уже не нужны. Все вопросы решены. Время уже идти в народ. Надо приготовить все необходимое для этого. Но прежде всего надо научиться физическому труду. И работа закипела. Одни направляются на заводы, фабрики, где с помощью спропагандированных рабочих устраиваются и приступают к работе. Поступки этих студентов импонируют товарищам, — пример их заразителен. Те, которые почему-либо не могут ему последовать, страдают от огорчения. Другие, — таких было, если не ошибаюсь, большинство, — бросаются на изучение ремесел, — сапожного, столярного, слесарного и проч.; этому можно скорее научиться, да и ремесло пригодится в ссылке. Надобно быть готовым. Во многих частях Петербурга, — на Выборгской, Петербургской сторонах, в Измайловском полку, на Васильевском острове и проч., — открываются такие мастерские, в которых выучка, под руководством опять-таки рабочего-революционера, идет довольно успешно. Мастерские, устраивавшиеся молодежью, были почти все на один манер. Мастерские были одновременно и «коммунами»**. <...>

«Нужно заметить, — рассказывает в своих мемуарах один из известнейших деятелей освободительного движения того времени, пишущий под псевдонимом “Старик”, — что пропагандская деятельность в народе женщины, особенно молодой, представляла такие затруднения, каких не знал мужчина. Еще на сходках (молодежи) нередко поднимался этот вопрос, но определенного решения не было постановлено: большинство же, — в том числе и сами женщины, — склонялись к тому мнению, что в данном случае не следует нарушать равноправия, — пусть те из женщин, кто может, идут в народ, как и мужчины в крестьянской одежде и сами, как знают, избегают

* «Подпольная Россия», стр. 15 и 17.

** «Из истории революционного народничества», стр. 63.

неприятностей, связанных с принадлежностью к прекрасному полу»*.

Эта черта русского освободительного движения единственная в своем роде. Кажется, нигде в мире женщина не работала в освободительном движении так тесно рука об руку с мужчиной. Не словами, а делами русская женщина завоевывала и продолжает завоевывать себе равноправие с мужчиной во всех областях общественной жизни.

Что же встретили пропагандисты в деревне? Там ждало их самое глубокое разочарование. Народ, действительный народ, оказался совершенно не тем, каким он представлялся издали, и, несмотря на всю, затраченную пропагандистами, огромную энергию, ни в одной деревне, как констатировали органы революционной печати, не удалось вызвать не только «бунта», но даже и «пассивного сопротивления». «Ничего не стоит поднять любую деревню», думали многие бакунисты с автором «Государственности и анархии», и поднять именно во имя идеалов «социализма» и «анархии», а на деле бакунистам пришлось встретиться с полнейшей чуждостью народу именно этих идеалов. <...>

Неуспех движения пропагандистов

Здесь и лежала, без сомнения, коренная причина полного неуспеха движения пропагандистов «в народ», но причина эта была затемнена в их сознании другою: отношением к движению со стороны властей, обрушившихся на пропагандистов с самыми свирепыми репрессиями. За все последовавшие затем события исторически ответственной является власть и только власть. Она своими преследованиями «не позволила вдуматься в глубокое значение» тех фактов из крестьянской жизни, которые констатировали сами пропагандисты. Вследствие этого неудачу движения 1874 года стали объяснять не коренною его причиною, а причинами второстепенными: недостаточностью организованности движения, его хаотичностью, отсутствием надлежащей конспиративности и т. д. Явилась поэтому попытка созвать первую «всероссийскую социально-революционную ор-

---

* «Движение семидесятых годов по Большому процессу». «Былое». 1906 г. Декабрь. Стр. 70.

ганизацию», но и эта попытка, показавши (во время «процесса пятидесяти») России образцы таких замечательных женщин, как Бардина, Фигнер и другие, окончилась также быстрою и полною неудачею.

Тем не менее ко второй половине семидесятых годов в сознании пропагандистов стали отличаться и некоторые новые идеи. Революционеров 1873–1874 года можно назвать «максималистами», у революционеров периода следующего, «народников» в более тесном смысле слова, явилась как бы «программа-минимум». На суде по делу 1-го марта 1881 года² Желябов говорит: «Мы государственники, а не анархисты... В 1874 году в государственных воззрениях мы были действительно анархистами... Непродолжительный период пребывания в народе показал всю книжность, всё доктринерство наших стремлений, но, с другой стороны, тот же период убедил, что в народном сознании есть много такого, за что следует держаться, на чем *до поры, до времени* следует остановиться».

«До поры, до времени» — это и значит поставить задачи временные, т. е. создать программу-минимум».

«Мы решили действовать, — продолжал Желябов, — во имя сознанных народом интересов, — уже не во имя чистой доктрины, а на почве интересов, присущих народной жизни, им сознанных. Это отличительная черта народников. Из мечтателей-метафизиков они перешли в позитивизм и держались почвы, — это основная черта народничества»*.

Но «держаться почвы» — это означало, конечно, необходимость обстоятельного практического ознакомления с почвой, а для этого прежняя «летучая пропаганда» должна была смениться прочным поселением пропагандистов в народе, заведением там «колоний».

Таких попыток и было сделано несколько, но и они все разбились о преследования властей.

Наталкиваясь постоянно на такие преследования, прежняя «доктринерская» мысль пропагандистов о несущественности и даже вредности борьбы за изменение *политических* условий жизни России терпела, конечно, все более и более поражения, и отсюда явилось сначала новое *настроение* — защищаться силою от преследований (вооруженные сопротивления при арестах,

---

* Дело 1 марта 1881 года. Стенографический отчет. Стр. 338–339.

убийства особо ненавистных должностных лиц и т. д.), а затем и новое *направление*, признавшее необходимость борьбы именно за политическую свободу.

Народничество

Так возникло «народовольчество». Оно появилось на исторической сцене как направление, сформировавшееся уже в 1879 году как продукт борьбы двух течений, образовавшихся в существующем до того времени народническом тайном обществе «Земля и воля»³, и быстро завоевало себе признание среди большинства русских социалистов. Можно сказать, что в 1879 году прежнее народничество в его старых *аполитических формах* умерло и уже никогда более в сколько-нибудь заметных размерах не воскресало.

Таким образом, к возникновению нового направления привела сама жизнь и прежде всего отношение к движению семидесятых годов властей.

Что народническое движению семидесятых годов без правительственных преследований потекло бы по другому руслу, к этому заключению, бросая взгляд на прошлое, пришли многие из самых активных участников этого движения.

Припоминая теперь движение 1870–1878 года, говорит П. А. Крапоткин, я могу сказать, не боясь ошибиться, что большинство молодежи *удовлетворилось бы* возможностью спокойно жить среди крестьян и фабричных работников, учить их, работать с ними, либо лично, либо в земстве, — словом, возможностью оказывать народу те бесчисленные услуги, которыми образованные, доброжелательные и серьезные люди могут быть полезны крестьянам и рабочим. Я знал людей этого движения и говорю с полным знанием дела»*. <...>

Это, без сомнения, совершенно верные мысли, но тут следует внести и один значительный корректив.

Взоры революционеров семидесятых годов были всецело направлены в сторону крестьянской массы. На городских рабочих обращали внимания очень мало и хотя с ними и «занимались», но и такие занятия имели в виду не уяснение классового самосознания рабочих, не способствование развитию самостоятельного

---

* Записки революционера, стр. 403.

рабочего движения, а по преимуществу выработку из рабочих пропагандистов для той же деревни.

И вот, невзирая на такие занятия с рабочими, так сказать, «между делом», результаты пропаганды в их среде оказались несравненно продуктивнее, чем в крестьянстве, хотя туда и были направлены все силы пропагандистов.

Результаты пропаганды среди крестьян, по крайней мере, видимые ее результаты, сводились почти к нулю, — рабочая же масса оказывалась к революционной пропаганде несравненно более восприимчивой. <...>

В силу всех этих причин возникшее в 1877 году общество «Земля и воля» (в 1878 г. оно стало издавать орган того же наименования) стояло еще на «бакунистической» точке зрения. Преследования властей имели, однако, своим результатом все большее и большее отклонение общества от этой точки зрения. «Политика» врывалась в форме вооруженных сопротивлений при арестах, что знаменовало уже более или менее сознannую идею неприкосновенности личности и жилища; а при сгустившейся затем еще более атмосфере новое настроение оформилось в так называемое «террористическое» направление, захватившее настолько значительную часть членов общества «Земля и воля», что в его среде последовал раскол. В 1879 году, после съездов членов общества и других лиц в Липецке и Воронеже, общество «Земля и воля» распалось окончательно на два общества, из которых первое приняло название «Черный передел», а второе — «Народная воля». Первое продолжало стоять на прежней народническо-аполитической точке зрения, второе, считая себя тоже народническим, поставило, однако, своею непосредственной задачей борьбу за политическую свободу и созыв Учредительного собрания, которое и должно определить новые формы государственного строя России.

Симпатии огромного большинства русских социалистов склонились к «народовольчеству», которое в период 1879—1882 года почти всецело заполняет собою революционное движение в России. Событие 1-го марта 1881 года явилось кульминационной точкою в деятельности «народовольцев», но оно же, истощивши все их силы, оказалось смертельным и для них самих. Событие это обнаружило, что в русском обществе вовсе не оказалось в наличности тех сил, на которые рассчитывали народовольцы. Дальнейшая история этой пар-

тии — не более, как история её агонии и потому событием 1-го марта не только хронологически (оно имело место уже в *восьмидесятых* годах), но, можно сказать, и фактически заканчивается рассмотренный в этом очерке период «радикального» движения в России.

